

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор ФГБОУ ВО
«Оренбургский государственный
педагогический университет»,

С. А. Алешина

25 октября 2019 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
на диссертацию Черновой Татьяны Анатольевны
**«Российское государство и Башкирский край: эволюция отношений и
проблемы взаимодействия (середина XVI – середина XVIII вв.)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

Несмотря на то, что проблема инкорпорации Башкирского края в состав Российской государства уже достаточно давно исследуется российскими и зарубежными историками, она по-прежнему остается актуальной, поскольку позволяет посмотреть на многие современные процессы и явления с точки зрения их исторического прошлого. Указанная проблема, кроме того, представляет собой один из наиболее дискуссионных моментов отечественной истории, что также делает обращение докторанта к ней вполне обоснованной. Выработка принципов, на которых базируется политика государства в отношении тех или иных территорий и народов, должна происходить в условиях абсолютного понимания истоков и традиций этого взаимодействия, исторической логики указанных взаимоотношений, а также их наиболее вероятных результатов. В этой связи анализ эволюции отношений между Российской государством и Башкирским краем на протяжении двух столетий является прекрасной возможностью проследить, как изменение геополитической обстановки и следующих за ней государственных интересов влияет на осуществляющую этим государством политику в отношении новых территорий.

Диссертация состоит из введения, шести глав (двенадцати параграфов), заключения, списка используемых источников и литературы, приложений. Структура диссертационного исследования подчинена внутренней логике изучаемой проблемы. Однако, на наш взгляд, столь большое число глав в кандидатской диссертации выглядит избыточным. Объемы параграфов иногда составляют 6-9 страниц (параграфы 1.2, 3.1, 5.1), что позволяет констатировать излишнюю детализацию проблемы.

Объемы отдельных глав несколько не сбалансированы – наименьшим объемом обладает первая глава (19 страниц), наибольшим – пятая глава (почти 70 страниц). Это обстоятельство также подводит нас к мысли, что структура работы могла бы быть менее дробной, а часть подразделов исследования вполне можно было бы объединить в рамках решения общей исследовательской задачи.

Введение содержит в себе основные теоретические основания диссертационного исследования. Автор довольно убедительно обосновал актуальность своего исследования, обратившись как к вопросам межнациональных отношений, так и к проблемам, связанным с расширением государственной территории. Объектом исследования названы взаимоотношения башкирских подданных с Российским государством, а предметом – процесс включения Башкирского края в пространство Российского государства. *На наш взгляд, предмет должен сужать, конкретизировать объект исследования, но «процесс включения Башкирского края в пространство Российского государства» отнюдь не уточняет взаимоотношений башкир с Российским государством. Включение территории в состав государства и выстраивание отношений этого государства с новыми подданными представляют собой два параллельных процесса.* Обоснование хронологических и территориальных рамок не вызывает каких-либо нареканий. Однако обозначенные временные границы не включают в себя события, представленные в первой главе работы. *Данный факт требует пояснений от автора.*

Историографический обзор представлен через проблемно-хронологический подход. Автор касается таких аспектов исследуемой проблемы, как трактовка историками характера вхождения башкир в состав Российского государства, историческая оценка башкирских восстаний, интерпретация исторических последствий колонизационной политики России на территории Башкирии. Основной упор автор делает на региональную историографическую школу, представленную такими исследователями, как Б. А. Азнабаев, И. Г. Акманов, А. З. Асфандияров, Р. Г. Буканова, Р. Г. Кузеев и др. Положительным моментом является включение в историографический обзор работ зарубежных авторов.

В целом автор отмечает, что предшествующая историография во многом «обременена устаревшей методологией, традиционными, линейными, упрощенческими подходами к анализу межнациональных отношений» (С. 43) и требуется «новый взгляд на выстраивание отношений Российского государства с национальными окраинами через призму концепций современной методологии».

Изучение работ предшественников позволило автору обозначить цель и задачи собственного исследования. Целью диссертации является «изучение эволюции отношений Российского государства с башкирскими подданными» (С. 29), что в большей степени соответствует объекту исследования, но не его предмету. Поставленные во введении задачи перекликаются с главами

диссертации, но не с параграфами, как это обычно практикуется. И это еще раз возвращает нас к вопросу о целесообразности выделения в работе столь большого числа отдельных структурных частей.

Источниковая база исследования представлена как уже опубликованными, так и архивными материалами. Автор привлек в качестве источников документы из четырех архивохранилищ. Были проработаны девять архивных фондов, однако, судя по перечню используемых источников, из них были извлечены всего 22 дела. Для диссертации, столь многоаспектной и обширной хронологически, посвященной давно известной проблеме, два десятка обработанных архивных дел представляются явно недостаточными. Именно включение новых документов в научный оборот, в значительной степени, и делает кандидатскую диссертацию новым научным исследованием.

Гораздо более широко в диссертации представлен комплекс опубликованных источников, включающих нормативно-правовые акты, делопроизводственную документацию, источники личного происхождения, историко-географические описания и пр. Здесь сразу хотелось бы высказать замечания относительно указания законодательных актов и нормативно-правовых документов в *перечне опубликованных источников – на наш взгляд, следовало указать конкретные постановления, указы, законы и пр., а не ограничиваться общим наименованием источника* («Материалы по истории России» А.И. Добромыслова или «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи»).

Теоретико-методологической основой диссертации Татьяны Анатольевны стал принцип методологического плюрализма, сочетающий в себе цивилизационный и модернизационный подходы. С одной стороны, такие базовые принципы научной работы, несомненно, расширили исследовательское поле автора. С другой стороны, сочетание цивилизационной теории, с ее особым вниманием к сложно определяемым ментальным и этико-культурным особенностям народа, и теории модернизации с более конкретным категориальным аппаратом, колossalно усложнили сам процесс достижения поставленной исследовательской цели. В итоге так и не удается окончательно выяснить – стремится ли автор изучить эволюцию отношений между башкирами и Российским государством (т.е. изменение характера воздействия государства на башкир, трансформацию понимания этих взаимосвязей обеими сторонами, мотивы принятия политических решений) или анализирует «процесс включения Башкирского края в инфраструктуру Российского государства» (С. 40).

Первый параграф первой главы диссертации Т. А. Черновой посвящен традициям взаимодействия башкир с соседними народами и государствами в X-XVвв. Автор утверждает, что в домонгольский период башкиры, «в отличие от многих народов евразийской степи, перед лицом внешней угрозы проявили удивительную политическую ю даль нозоркость», отказавшись от сопротивления и избрав путь добровольного подчинения Волжской Булгарии

(С. 46). Как нам кажется, утверждение об особом векторе межэтнических отношений, избранном башкирами, здесь представляется несколько надуманным. В указанный период большинство этносов Восточно-Европейской равнины, в силу своей малочисленности, разобщенности выбирали путь подчинения более сильному соседу (взять, к примеру, процесс складывания Древнерусского государства), суливший не только тяготы зависимого состояния, но и выгоды в виде военной защиты от других племен.

В период монгольского нашествия, как утверждает автор, «большая часть башкирских племен добровольно вошла в состав Монгольской империи, стремясь сохранить свои земельные угодья, добиваясь получения ярлыка на их управление» (С. 55). Аргументами в подтверждение излагаемой версии служат башкирские шежере сразу нескольких племен.

Во втором параграфе первой главы речь идет о традициях «подданничества», характерных для башкир в XIV- начале XVI в. Давая определение указанному термину автор отдает предпочтение Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефона перед более современными трактовками, не объясняя, однако, почему. Согласно версии автора, подданничество представляет собой «добровольное подданство с привилегиями» (С. 60).

Автор увязывает традицию признания башкирами над собой власти более сильного соседа (в XIII-XV вв. это Золотая Орда) с особенностями ментальности башкир и существованием особого механизма самосохранения этноса. Однако, на наш взгляд, основанием для принятия решений о добровольном подданстве, служила, главным образом, не ментальность, а обычный здравый смысл. Располагаясь на территории, служившей центром перемещения в различных направлениях самых разнообразных этносов и народов, башкиры, стремясь все же сохранить свои кочевья, выбирали наиболее сильного соседа и переходили под его покровительство.

Вторая глава диссертации посвящена процессу вхождения башкирских родов в Московское государство. Почему-то на С. 63, объясняя причины продвижения Московского государства в Урало-Поволжье, автор утверждает, что все «действия, предпринимаемые правительством, были направлены на создание образа грозного, но справедливого царя». Однако причины присоединения Поволжья и Зауралья давно изложены в научной литературе (см., например, Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 52-72) и лежат в плоскости, скорее, стратегических и внешнеполитических интересов.

Спорным представляется и другое утверждение автора: «Несмотря на то, что у башкир не было своего государства и на этих просторах они существовали все еще родоплеменным строем, Русскому государству потребовались бы колоссальные резервы, чтобы подчинить эти земли. Сознавая отсутствие этих возможностей, Иван Грозный обращается

кнародам Урало-Поволжья с предложением добровольно вступить в составРусского государства» (С. 63). То есть получается, что для покорения Казанского и Астраханского ханств Иван IV резервы изыскал, а вот для подчинения башкир – нет.

В то же время, на С. 64 автор приводит слова П.И. Рычкова, отмечавшего, что незадолго до принятия российского подданного башкиры были разорены и разграблены ногайцами, а затем окончательно ограблены сибирским и казанским ханами.Далее, на С. 71 автор констатирует, что «северо-западные башкиры, непосредственнооприкоснувшись с русскими границами и убедившиеся в силе русскогооружия, решили сразу подчиниться Москве и сохранить свои земли».

Таким образом автор противоречит сам себе, утверждая, что возможное военное подчинение башкир представляло для Ивана IV серьезную проблему. Предложение башкирам принять русское подданство, а также широкий спектр предоставляемых им льгот, были вызваны, скорее, стремлением московской власти сохранить лояльность башкир к правящей династии и коронной администрации, политическую стабильность на башкирских землях.

Мы также не можем согласиться с утверждением, что «в Казани имели место равноправные переговоры башкир и русской власти, в ходе которых были учтены геополитические интересы обеих сторон и приняты взаимные обязательства, которые не могли меняться в одностороннем порядке» (С. 75) и что московское «правительство было заинтересовано в ускоренном решении “башкирского вопроса”», а потому соглашалось на все требования башкирских делегатов» (С. 84-85).

Русский царь, по его представлениям ведущий свой род от римских императоров, никак не мог на равных вести переговоры с башкирскими старшинами, представлявшими лишь роды, но не государства, а также соглашаться на все их предложения. С народами, не имевшими собственной государственности, дело всегда ограничивалось лишь принесением присяги на верность русскому царю. Дарование земель, конфессиональной свободы, звания биеv, князей, мурз и тарханов были милостью, пожалованием русского царя, поощрением за покорность, но никак не уступкой. Кроме того, данные действия были способом привлечь на свою сторону башкирских старшин.

Во втором параграфе второй главы говорится об условиях принятия башкирами российского подданства. Отмечается, что ключевыми условиями было сохранение за башкирами их вотчинных земель и предоставление им свободного религиозного выбора, оформление системы местного управления. Налоги, которыми были обложены башкиры после присоединения к Московскому государству, согласно выводам автора, были гораздо меньше, нежели налоги, взимавшиеся с башкир монголами, ногайцами и другими покорителями башкирских земель. Убедительным представляется вывод автора о том, что пограничная служба и воинская

повинность башкир, в отличие от ясачной, была наиболее важна для Московского государства, поскольку освобождалась последнее от тягот по защите протяженной юго-восточной границы.

Третий параграф второй главы посвящен процессу присоединения к Русскому государству северо-восточных (зауральских, сибирских) башкир, часть которых была включена в состав Московской Руси вооруженным путем. Результатом именно военного включения этой части башкир в состав Русского государства стал увеличенный размер ясака, взимаемого подушно, а не подворно, а также лишение их вотчинных земель.

В третьей главе автор рассуждает о взаимоотношениях башкир с российскими властями в XVII - начале XVIII в. В первом параграфе третьей главы речь ведется о трансформации внутриполитической ситуации в Русском государстве и о постепенном складывании российского абсолютизма. Именно с этими процессами автор связывает изменение политики по отношению к башкирам. На С. 109-112 довольно подробно излагается специфика функционирования российских Земских Соборов, что, на наш взгляд, является излишним. Вообще, параграф 3.1, занимающий 9 страниц, вполне мог бы быть включен в параграф 4.1, а проблема башкирских восстаний против российских властей стать продолжением разговора о трансформации российской власти во второй половине XVII – начале XVIII в.

Во втором параграфе, посвященном религиозной политике российских властей в крае в указанный период, автор справедливо подчеркивает, что имеющая крепкие исламские корни «Казань представляла большую угрозу для государства, нежели разрозненные башкирские роды с поверхностной исламизацией и крепкими доисламскими традициями» (С. 121). Действительно, башкиры жили практически автономно, не создавая конфессиональных проблем для Москвы. Основной текст параграфа посвящен конфессиональной политике в отношении казанских татар, что не имеет прямого отношения к цели и предмету исследования. Думается, что *третья глава могла бы вполне безболезненно быть исключена из текста диссертационной работы, а необходимые для автора тезисы, касающиеся русско-башкирских отношений в XVII - начале XVIII в., быть включены в текст последующих глав.*

Глава четвертая посвящена башкирским восстаниям во второй половине XVII - начале XVIII в. Причины первого башкирского восстания 1662-1664 гг. изложены автором пространно и ясно – включение в сферу влияния Российского государства калмыков привело к изменению политики в отношении башкир, явившихся соперниками калмыков. Татьяна Анатольевна очень подробно повествует о ходе восстания, при этом требования башкир сообщаются весьма тезисно (С. 156).

Второе башкирское восстание 1861-1864 гг., согласно выводам исследователя, было направлено против усиления налогового гнета российских властей. И вновь автор уходит в событийную плоскость, давая

очень краткий анализ требованиям, составу и причинам поражения восставших. Главной причиной победы правительственных войск Т.А. Чернова называет раскол в повстанческом лагере.

Восстание 1704-1711 гг., ставшее предметом анализа во втором параграфе четвертой главы, разбирается автором по той же схеме. Восставшие, согласно выводам исследователя, протестовали против усиления налогового гнета и произвола местных чиновников. Ссылки делаются, преимущественно, на уже опубликованные работы, что снижает научную значимость излагаемого материала.

Первый параграф пятой главы «Промышленное освоение Урала как новый фактор в российско-башкирских отношениях», на наш взгляд, представляет собой один из наиболее удачных разделов работы. Информация, в нем изложенная, отличается аналитичностью, научностью изложения, отчетливо прослеживаемыми причинно-следственными связями.

Второй параграф, самый обширный из всех (61 страница), мог бы послужить основой для нескольких самостоятельных научных исследований. В то же время, эта часть работы касается наиболее часто обсуждаемых в исторической литературе вопросов. Именно поэтому автор в рамках этого параграфа мог совершенно безболезненно изложить лишь ключевые аспекты деятельности Оренбургской экспедиции на башкирских землях, не вдаваясь в детали и не увлекаясь событийной стороной.

Автор связывает башкирское восстание в период деятельности Оренбургской экспедиции с целым рядом факторов – незнанием территории и народа Башкирии российскими чиновниками, казнью в Уфе представителей ногайской и казанской башкирских дорог, прямым нарушением русской администрацией условий башкирского подданничества. Думается, что главной причиной было все же было нежелание организаторов экспедиции снизойти до диалога с башкирами и крайне пренебрежительное отношение представителей имперской власти к населению колонизируемых территорий.

Именно таким отношением «большого европейского чиновника в колониальной стране», по словам Д. А. Сафонова, объясняется и жестокость, с которой восстание было подавлено. Создание имперского государства потребовало унификации (административной, социальной, культурной и пр.) всех территорий, в нее входящих. Власть больше не могла себе позволить существование регионов, обладающих какой-либо автономией.

Последняя шестая глава посвящена имперской политике в регионе в 30-50-х гг. XVIII столетия. В параграфе, повествующем о религиозной политике Российского государства в отношении башкир автор на основании анализа достаточного числа исторических фактов делает вывод о том, что массовой христианизации башкирского населения в этот период не происходило. Башкиры-мусульмане, в массе своей, добровольно принимали христианство, рассчитывая на льготы и послабления (например, на более мягкие наказания участникам антиправительственных восстаний). Такой

прагматичный подход, при повторном уходе новокрещен в ислам, становился причиной очень жестких карательных мер со стороны российских властей.

Второй параграф шестой главы, рассказывающий о восстании 1755-1756 гг, содержит интересное замечание автора о том, что «далнейшие планы башкир демонстрируют не отчаяние "притесненного местного населения", а хладнокровную расчетливость преступников ... Инициаторов восстания совершенно не смущали возможные потери среди башкир, они были заинтересованы в том, чтобы использовать карательную экспедицию как катализатор для эскалации повстанческого движения» (С. 265). Данное высказывание вновь возвращает нас к разговору о т.н.«особой ментальности башкир», по словам автора, наивно веряющих обещаниям коронной власти (С. 167).

В заключении работы автор формулирует основные выводы и результаты исследования. Заключение выглядит довольно объемным (11 страниц) и во многом повторяет выводы, сделанные в главах.

Помимо замечаний и предложений, высказанных выше, хотелось бы остановиться еще на нескольких спорных моментах, а также задать автору несколько вопросов:

1. На наш взгляд, термин «отношения», используемый автором при формулировке темы, лежит, скорее, в области социального, общественного, но не государственного воздействия. Возможно, более точным было бы использование понятия «государственная политика».
2. В перечне групп используемых источников автор указывает такие нетрадиционные наименования, как, например, «Сборники документов», хотя при работе над диссертацией были использованы не сами сборники, а конкретные документы, которые можно было отнести к одной из принятых в классификации источников групп – нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, материалы статистики, фольклорные материалы, источники личного происхождения. То же касается и «Научных трудов администраторов», которые можно было отнести к историко-географическим или историко-статистическим описаниям, либо к делопроизводственной или нормативно-правовой документации.
3. Завоевание части северо-восточных башкирских родов Московским государством после покорения Казанского ханства ставит перед нами вопрос о правомерности выделении особой политической ментальности башкир. Поскольку разные башкирские роды и дороги демонстрировали разные варианты вхождения в состав Русского государства, означает ли это, что они обладали разным менталитетом?
4. Исходя из содержания работы, довольно спорным представляется вывод автора и о том, что «ментальное различие» демонстрировали во время конфликтов башкиры и представители центральной власти. Как пишет исследователь, интересы представителей коронных властей «допускали циничное использование доверия подданных для усмирения недовольства. В то время как башкиры все еще верили обещаниям и готовы были по-

прежнему служить государству» (С. 167). В то же время, рассказывая об участии в подавлении восстания 1704-1711 гг. отряда Петра Хохлова, Т.А. Чернова пишет, что «”бывшие с Хохловым башкиры изменили ему и, соединяясь с своими, осадили отряд Хохлова в степи”. Мало того, что башкиры в открытую пошли на предательство, так еще и проявили жестокость ...» (С. 165). Аналогичные действия восставшие башкиры совершили и в 1755-1766 гг. (С. 265). Так можно ли в этих обстоятельствах говорить о «ментальных различиях» жителей метрополии и колоний или определяющими для избрания поведенческой матрицы все же будут внешние обстоятельства?

5. Возможно ли говорить о том, что башкиры, включенные в XVI в. в состав Российской государства с сохранением определенной автономии, а затем, к середине XVIII в. ее утратившие, были уникальным этносом в его истории? Или аналогичные процессы происходили со всеми народами, попавшими в сферу влияния Российского государства (калмыки, казахи и пр.)?

Высказанные вопросы и замечания носят дискуссионный характер и не снижают в целом положительного впечатления от диссертации.

Изложенные в работе Татьяны Анатольевны Черновой положения обладают несомненной научной новизной. Автор, обобщив работы предшественников, проследил эволюцию государственной политики Российской империи в отношении башкир, а также трансформацию ответных реакций башкирского народа на действия коронной власти. В процессе работы над научной проблемой автор пришел к интересным самостоятельным выводам, которые представляются весьма интересными и значимыми для исследователей, занимающихся вопросами национальной политики, межконфессиональных и межнациональных отношений.

Диссертация представляет собой самостоятельно выполненное законченное исследование. Личное участие автора заключается во введении в научный оборот новых архивных источников; в осуществлении комплексного исследования, ограниченного весьма широкими хронологическими рамками, позволяющими увидеть господствующие тенденции взаимодействий на протяжении двух столетий Российского государства и Башкирского края.

Объективность и достоверность полученного научного результата достигается через использование сравнительного метода в отношении используемых исторических источников различного характера. Все заимствования, осуществленные автором в тексте, сделаны корректно, с указанием источника информации.

Апробация работы была осуществлена автором в рамках 18 научных публикаций, в том числе 3 в журналах из перечня ВАК, а также в ходе выступлений на международных и всероссийских конференциях

Диссертационная работа Татьяны Анатольевны Черновой «Российское государство и Башкирский край: эволюция отношений и проблемы

взаимодействия (середина XVI – середина XVIII вв.)» является законченным научным исследованием по актуальной проблеме. В работе представлены результаты, имеющие важное научное и практическое значение для отечественной исторической науки. Результаты исследования вносят вклад в решение ряда актуальных задач российской исторической науки, связанных с процессом складывания имперской территории и имперского пространства России XVI-XVIII вв.

Диссертационная работа соответствует критериям, установленным пп. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Татьяна Анатольевна Чернова заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, доцентом, профессором кафедры истории России ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» Еленой Вадимовной Бурлуцкой.

Диссертация и отзыв обсуждены на заседании кафедры истории России ФГБОУ ВО «ОГПУ» (протокол № 3 от 24 октября 2019 г.).

Заведующий кафедрой истории России,
доктор исторических наук (07.00.02),
профессор

Сергей Валентинович Любичанковский

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет» (ФГБОУ ВО «ОГПУ»), Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19, каб. 115. E-mail: svlubich@yandex.ru
Тел. раб. 8(3532)77-69-29 Сайт: <https://ospu.ru>

Профессор кафедры истории России,
доктор исторических наук (07.00.02),
доцент, проректор по научной работе

Елена Вадимовна Бурлуцкая

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет» (ФГБОУ ВО «ОГПУ»), Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19, каб. 335. E-mail: ida777@yandex.ru
Тел. раб. 8(3532)77-67-13 Сайт: <https://ospu.ru>

